

К.А. Иностранцев

**Труды туркологического
семинария**

Хунну и Гунны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.А. Иностранцев**
Труды туркологического семинария: Хунну и Гунны / К.А. Иностранцев – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 156 с.

ISBN 978-5-458-39221-1

ISBN 978-5-458-39221-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа является ответом на предложенную Факультетом Восточных языков тему по истории Востока: Критический разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей. Из заглавия видно, что целью темы являлся разбор теорий, при чем выражалось желание, чтобы автор, по возможности, старался дать ответ на вопрос о происхождении этого народа.

Прежде чем приняться за исследование источников, мы сочли необходимым решить, насколько эта задача возможна для незнакомого с китайским языком, и пришли к тому убеждению, что решение ее не связано с непосредственным изучением китайских источников. Ведь требовалась критика мнений европейских ученых, а не китайских летописцев, которые не могли создать никаких теорий о принадлежности народа к той или другой расе, к тому или другому племени. Данный вопрос не столько относится к политической или культурной истории какой-нибудь страны или какого-нибудь народа, сколько к истории самой науки и к научной полемике. Это было первой причиной, побудившей нас взяться за попытку ответить на заданную тему.

Кроме того, вопрос о происхождении Хунну тесно связан с вопросом о том, к какой расе и племени принадлежали знаменитые в истории Европы Гунны. Это видно хотя бы из того, что представители всех теорий считают нужным говорить об этой связи между двумя народами. Вопрос же о происхождении

Гуннов относится к области, не только совершенно чуждой синологии, но даже, в известной степени, принадлежащей истории Европы. Итак, если история Хунну относится в значительной степени к истории Китая, а Гуннов — к истории Европы, то вопрос об отношениях одного народа к другому принадлежит истории Средней Азии, как страны, через которую Хунну двинулись на Запад (если эти два народа тождественны) или где Хунну и Гунны столкнулись (если они различны). Вот эта-то связь Хунну и Гуннов, восточной Азии и западной Европы, имеющая чрезвычайно важное значение для истории Средней Азии, и была второй причиной, побудившей меня взяться за эту тему.

Однако, как мы уже сказали, факультету было желательно, чтобы ответ на заданную тему состоял не только в разборе теорий, но также, насколько будет возможно, и в решении этого вопроса. Так как решение это было поставлено по важности на втором месте, за разбором теорий, а кроме того высказывалось только как желание, мы и взяли на себя смелость представить свои соображения и предположения, пользуясь при этом как существующими переводами с китайского, так и доводами, прежде нас высказанными. Мы вовсе не выдаем свои соображения за непреложную истину. По нашему мнению (которое впрочем было и есть наиболее распространенное), невозможно положительно решить этот вопрос при тех средствах, которыми мы теперь располагаем. Можно только представлять доводы в пользу того или другого предположения. Кроме недостатка в необходимом для положительного решения материале, самый этот вопрос о происхождении народа представляет по существу большие затруднения. Не является ли в самом деле одним из самых сложных вопросов в истории Руси или в истории Мадьяров — вопрос об их происхождении. В истории Средней Азии, т. е. в истории преимущественно кочевых народов, эти вопросы еще усложняются тем, что там смешения народов происходили гораздо чаще, чем в истории Европы. Если эту последнюю (особенно западную ее часть)

можно уподобить ряду отдельных народных оассейнов, только иногда выходявших из берегов и смешивавшихся между собою, то северную, северо-восточную и среднюю Азию (впрочем восточная Европа представляет много сходства с этими частями Азии) можно сравнить с непрерывно бушевавшим народным морем. Отсюда возникает большая трудность определения племенной принадлежности азиатских кочевых народов, побудившая даже некоторых исследователей совершенно отказаться от этнографической классификации и признать только политическую. Из отдельных фактов, способствующих такой путанице, назовем, напр., переход имени победившего племени или рода на всех подданных: побеждал род Хунну — все делается Хунну, побеждал род Сянь-би — все делается Сянь-би и т. д. От этого происходит частое изменение имен в истории кочевых народов. Нам кажется, что благодаря именно этим, подчас непримиримым затруднениям и возникла вышеупомянутая теория, отрицающая возможность распределить кочевое население северной, северо-восточной и средней Азии по их принадлежности к той или другой племенной группе. Так как это воззрение касается и нашего вопроса, мы сочли нужным поместить его, как введение, вместе с взглядами тех ученых, которые писали еще до возникновения каких бы то ни было мнений о происхождении Хунну.

Остальные теории основаны на этнографической классификации — вся разница между ними в том, к какой племенной группе относят ученые этот народ. Тут следовательно можно уже классифицировать и сторонников того или другого мнения. Конечно не всегда можно провести строгую границу, не всегда можно мнение ученого отнести к определенной теории; так, напр., если он высказывается по отдельному вопросу, признаваемому одинаково двумя теориями, то он принадлежит и той, и другой. Классификация эта возможна преимущественно в отношении главных представителей.

Хотя теории о происхождении Хунну были уже указаны до нас, однако сторонники их до сих пор не были распределены в ли-

тературе. Теорий этих три: монголизма, турчизма и финнизма Хунну. Мы приведем их в таком, соответствующем времени их появления порядке. В некоторых случаях, при классификации сторонников теорий, мы отступали от общераспространенного мнения.

Быть может, сочинение какого-нибудь исследователя ускользнуло от моего внимания, равно как с некоторыми книгами я не мог ознакомиться, потому что они были написаны на неизвестном мне языке (сочинения венгерских ученых)¹. Однако, думается, что ничего существенного мы не пропустили.

По возможности старались мы воздерживаться от выписок из цитруемых сочинений; но все же нам пришлось провести многие для того, чтобы собственными словами автора подкрепить его мысли. Эти выписки, если сочинение написано на иностранном языке, мы везде представляем в переводе, с указанием страниц подлинника.

Что касается разбора мнений, то тут приходится иметь иногда дело с непреодолимыми препятствиями. В самом деле, как критиковать бездоказательные предположения? Нет доказательств — нет и критики. Поэтому мы иногда обходим молчанием подобные соображения.

В науке бывают иногда вопросы, литература о которых настолько обширна и, вместе с тем, настолько запутана и разбросана, что является время от времени необходимость привести в порядок все высказанные мнения и оценить их значение. Сообразно с требованиями темы, наше исследование и является первой попыткой подобного рода в отношении вопроса о происхождении Хунну и их отношений к Гуннам.

¹ Впрочем, насколько я мог заключить по сочинениям некоторых из этих ученых, переведенным на немецкий или французский языки, напр., Hunfalvy «Ethnographie von Ungarn», в целях изучения отечественной истории их интересовала преимущественно вопрос о Гуннах; относительно же истории Средней Азии они следовали тем или другим мнениям ориенталистов, выраженным в сочинениях, написанных на языках более доступных.

I.

Ученые миссионеры XVIII века и значение их исследований в изучаемом нами вопросе. Дегинь и его история Гуннов. Политическая классификация народов Средней Азии. Дегинь — не сторонник монголизма Хунну и Гуннов. Взгляды Дегиня в новейшее время. Каёи и его сочинение. Несостоятельность политической классификации при решении этнографических вопросов.

История народа, известного под именем Хунну, тесно связана с событиями древней истории Китая и потому естественно, что в первых же сочинениях об истории этого государства, мы встречаемся и с кочевниками, жившими к северу от Срединной империи, с Хунну. Первыми работами о Китае обязаны мы миссионерам иезуитам, преимущественно французам. В то время как одни в самом Китае составляли астрономические таблицы и строили обсерватории, изучали китайский язык и его письменность, собирали и переводили летописи и другие сочинения, ездили с одного конца обширной империи до другого и т. д., оставшиеся на родине собирали известия, присылаемые их собратьями, и, издавая их, знакомили европейцев с далеким, неведомым миром. Такие имена, как Вербист, Шаль, Жербильон с одной стороны и Дюгальд с другой — навсегда останутся памятными в истории востоковедения. Истории Китая они уделили много труда, и можно сказать, что их работы до сих пор имеют громадное значение. Здесь мы должны назвать Малья, Амю, Сибю, Гобиля, Грозье и др., которые известны всякому, даже немного знакомому научно с Китаем. Первому, напр., принадлежит лучшая до сих пор в европейской литературе история Китая¹.

¹ В данном случае мы основываемся на мнении нашего покойного историка-сизолога проф. С. М. Георгиевского, «Первый период Китайской истории», стр. 185.

Разрабатывая историю Китая, миссионерам невольно приходилось касаться и истории некоторых других народов, входивших в различные сношения с китайцами. Приходилось им касаться и Хунну. Но они занимались ими только попутно, в связи с историей Среднего царства, а не ради самих народов, не для выяснения их происхождения и истории. Этих Хунну они, не сомневаясь, считали Гуннами. Никаких доказательств этому они не приводили — отождествление было основано исключительно на сходстве имен. Вот, напр., как выразился патер Гобиль (*Gaubil, Traité de la Chronologie Chinoise, éd. Sylvestre de-Sacy, 1814, стр. 58*): «Эти Хунну бесспорно те, которых европейская история называет Гуннами». Больше ничего он и не сказал по этому поводу.

Сообщенными этими учеными фактами, с добавлением многих других из китайских летописей, воспользовался французский ученый, профессор Французской коллегии, Дегинь (*Deguignes*). Он задался целью проследить исторический ход переселений народов с Востока на Запад, из Азии в Европу и дать полную историю этих движений. Сначала он высказался в «*Mémoire sur l'origine des Huns et de Turcs*» (Paris, 1748)¹. Затем вышла его четырехтомная «*Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux*» (1756—58). Главная его заслуга состоит в сопоставлении китайских известий с европейскими. Его отождествление народов, упоминаемых в китайских летописях, с народами так называемого «великого» переселения, за немногими исключениями, вполне удачно и признается до сих пор верным. Но Дегинь жил в XVIII-м веке, когда не существовало многих наук, с которыми в настоящее время история должна считаться. В его время не было ни науки о языке (лингвистики), ни этнографии, ни этнологии. Тогда история только и существовала как собрание летописных фактов, их

¹ Мы к несчастью не могли воспользоваться этой работой, так как ее нет ни в Публичной, ни в Университетской, ни в Академической библиотеках, а выписать оказалось невозможным, так как она библиографическая редкость.

сличение и критика. Из этого ясно, что Дегинь не мог решать некоторых исторических вопросов так, как мы решаем их теперь. В этом конечно, он не виноват — все что он мог сделать, он сделал прекрасно.

Основой классификации народов Средней Азии¹ этот ученый берет не принадлежность народа к известной этнографической группе, а политическое разделение. Поэтому Дегинь и не делает существенного различия между Турками и Монголами. Все обитатели этих частей Азии называются у него вообще Татарами (*les Tartares*) и разделяются на восточных и западных. Первые, по его мнению, тождественны с восточными варварами китайских летописей, а вторые с западными². Восточные Татары по Дегиню те народы, которых мы теперь называем народами тунгусского и корейского племен, как-то: То-ба (*To-ba*), Сянь-пи (*Sien-pi*) и др. (т. I, ч. I, стр. 179 — 212). За ними он признает гораздо менее важную роль, чем за Татарами западными, которые и служат главным предметом его сочинения. К ним то и относятся занимающие нас Хунну. На этом основании мы остановимся на них дольше и рассмотрим то, что сообщил Дегинь.

«Римские историки», говорит он, «знали их (т. е. западных Татар) под именем Гуннов и рассказали много басен о происхождении этого народа, не говоря о том, откуда он пришел. В Таттарии они назывались Хун-ну (*Hiong-nou*) и основали большое государство, которое было разрушено китайцами. Тогда они рассеялись. Одни пошли на Запад и впоследствии вступили в Римскую империю. Все знают нашествие знаменитого Аттилы. Другие остались на границах Китая и были разбиты только татарами Жу-жень (*Geou-gen*). Некоторые поселились в Китае, где

¹ Под Средней Азией мы разумеем внутреннюю часть азиатского материка, ограниченную с севера Алтаем, с юга — Гималаями и китайской изменностью, с запада — Каспийским морем, с востока — Великим океаном. В таком значении мы и будем постоянно употреблять это имя в нашей работе.

² Дегинь счел, вероятно, это разделение чисто-географическим. Впрочем он нигде в своем сочинении не высказался по этому поводу.

образовали много государств. Они были совершенно обессилены или, по крайней мере, не имели никакого значения в Татарии, когда один вождь этого народа, по имени Ту-мынь (Тоу-шюен) стал во главе многих орд и образовал новое государство. Эти народы назывались тогда Турками. Они завладели всей Татарией». Далее он говорит, что «Чингиз-хан происходил из монгольского народа, составлявшего часть народа турецкого». Вышеприведенные строки, взятые нами из первой части первого тома (стр. 213—215), которая посвящена генеалогическим таблицам государей, правивших в Азии, выражают, по нашему мнению, достаточно ясно точку зрения Дегиня. Мы видим, что он строго придерживался политической классификации. При этом Дегинь совершенно верно понял политическую историю кочевых народов Средней Азии. Вот что он сообщал, напр., на стр. 224 I части I тома: «Турецкая орда, получив власть, дала свое имя всему остальному народу, или скорее другие народы знали Гуннов только под именем Турок, как впоследствии Чингиз-хан из орды Монголов был причиной того, что имя Монгол сделалось именем почти всех Татар», или на стр. 367 II части I тома: «Имя Гуннов совсем исчезло, как это обыкновенно бывает у Татар, у которых орда, достигшая власти, всегда дает свое имя всему народу».

Подобные превращения одного народа в другой встречаются там сплошь да рядом. Не зная этого обычая, совершенно нельзя понять истории этих народов. Тогда придется согласиться с тем, что в какие нибудь десять лет народ, занимавший большое пространство, был стерт с лица земли, а на его место водворился новый, до тех пор совершенно неизвестный. Дегинь, первый писавший по этому вопросу, прекрасно понял эти политические превращения, которые остались неизвестны некоторым, значительно позже его писавшим, ученым. Однако, при решении вопроса о происхождении какого нибудь народа невозможно руководствоваться одной политической историей. Поясним это на примере. Мы знаем, что в конце I века по Р. Х. северные Хунну

были разбиты народом Сянь-би, и с тех пор государство их перестало существовать, а возникло государство сяньбийское. Несомненно, что все бывшие хуннские подданные стали теперь подданными сяньбийскими; но значит-ли это, что все население этого государства принадлежало по происхождению к тому же племени; что и народ-победитель? Конечно, нет. Оставшиеся в новом государстве, бывшие властители, северные Хунну принадлежали к другому племени. В политическом отношении т. е. в отношении подданства — они из Хунну сделались Сянь-би, а в этнографическом отношении т. е. в отношении происхождения — они оставались тем же, чем были. Вопрос, который нам нужно решить, бесспорно этнографический: требуется выяснить происхождение народа Хунну, все равно будет ли он победителем или побежденным, господствующим или покоренным. Нам придется говорить еще дальше об этой системе политической классификации. Теперь же вернемся к Дегиню.

Раз мы установили, что этот автор излагает только политическую историю, то очевидно, что он не был ни сторонником монголизма, ни турцизма, ни финнизма. Для него не существует этнографических различий. Это мнение высказывается им неоднократно. Он признает Хунну тождественными и с Турками, и с Монголами¹.

Только одно место во всем сочинении может дать повод думать, что Дегинь признавал некоторое этнографическое различие. В примечании на стр. 114, части II, тома I, он сказал следующее: «Разделение империи Хунну на северных и южных (48 г. по Р. Х.) кажется, имеет большое отношение к разделению турецкого государства на Монголов и Татар. Первые —

¹ Приведем некоторые примеры:

«Гуны впоследствии носили имя Турок» (т. I, ч. I, стр. 5) «Турки Татарии происходили от древних Хунну» (т. I, ч. I, стр. 225). «История сохранила нам только известие о времени некоторых вторжений этих народов (т. е. Гунов) или скорее Татар вообще» (т. I, ч. II, стр. 16). «Монголы, по словам всех писателей, особая орда, происшедшая от турецкого народа» (т. I, ч. I, стр. 272) и т. д., см. т. I, ч. II, стр. 13, т. I, ч. II, стр. 368, т. II, стр. 2 и др.

Хунну северные, вторые — южные». Нам кажется, что в данном случае автор не высказал своего убеждения, а только старался примирить турецкие предания мусульманской редакции с историческими фактами, сообщаемыми китайскими летописями. Это мы заключаем из того, что раньше, на стр. 5—12 II ч. I т., он изложил предания, сообщенные Абуль-Гази, в одном из которых говорится, что от общего предка Турка произошли два брата — близнецы, ханы Татар и Монгол. Очень вероятно, что в этом предании содержится какое-нибудь историческое воспоминание; какое — сказать трудно. Заметим кстати, что у Дегиня замечается здесь некоторая путаница. Взяв известие Абуль-Гази, что от Монгол-хана происходят Монголы, а от Татар-хана — Татары, он не выяснил — кто такие эти последние. Сам он назвал Татарами всех жителей Средней Азии — и Турков и Монголов, и Тунгузов и др. Судя же по этому примечанию Татары, по его мнению, только часть Турков. На стр. 368 II ч. I т. он, приступая к изложению истории восточных Турков, выводит их, сообразуясь с историей, из северных Хунну, которых он в выше-названном примечании назвал Монголами. Поэтому, на одной и той же странице (368) он называет этих восточных Турков и Турками и Монголами¹. Мы привели это мнение Дегиня для того, чтобы не упустишь ничего, что касается в его сочинении вопроса о происхождении Хунну. Однако нельзя придавать большого значения мнению, высказанному мимоходом, в примечании и прямо противоречащему взглядам автора, которые он постоянно высказывал. Наконец, это примечание вовсе не уясняет нам мнения автора о происхождении всей массы Хунну, до их разделения

¹ При полном отсутствии точных данных возникли различные предположения. О. Иакинф Бичурин, также старавшийся согласовать эти известия («Собрание сведений о народах Средней Азии». Введение к первой части, стр. I—II), думал, что от Монгол-хана произошел дом Хун-ну, а от Татар-хана дом Дун-ху. И те, и другие были, по его мнению, Монголы. Вот его слова: «Хунну, по азиатским (он различает китайских и азиатских историков, разумея под последними мусульманских) историкам дом Могул-хана... Дун-ху, по азиатским историкам дом Татар-хана... Шмидт (Forschungen, стр. 11) не верил в возможность существования этих ханов.